

18+

M. Evelyn

НЕФОРМАТ

Искупление

18+

М. Evelyn

Неформат. Искушение

<https://litres.ru/74370572>

ISBN 9785007105156

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Неформат: Искушение» — жёсткая психологическая драма.

Она — панк-гитаристка: рушит шаблоны, рубит правду (и да, матом — это её броня, не злость). За громким звуком — огромное сердце.

Он не откупается словами: он делом доказывает, что достоин хотя бы взгляда без страха.

Финал: терапия и доверие, собранное по осколкам.

18+. Содержит сцены насилия, откровенные сцены, ненормативную лексику. Все персонажи вымышлены. Возможны сильные эмоциональные переживания.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Кэролайн	6
Кэролайн	12
Кэролайн	25
Майкл	47
Кэролайн	54
Майкл	57
Кэролайн	63
Майкл	66
Кэролайн	70
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Неформат Искупление

М. Evelyn

© М. Evelyn, 2026

ISBN 978-5-0071-0515-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Неформат: «Искупление» — **жёсткая психологическая драма** о том, как из самой глубины приходится карабкаться к свету. Это история без прикрас: она не романтизирует пороки, а показывает их разрушительную силу и ту высокую цену, которую приходится платить за слабость.

Главная героиня — **рокерша, гитаристка панк-группы**: в ней будто собраны все несочетаемые черты, и она рушит навязанные обществом стереотипы. Он — успешный арт-дилер. Их пути не должны были пересечься, но судьба распорядилась иначе.

Роман не щадит читателя: характер главного героя поначалу откровенно жесток, а речь героини — прямая, резкая, матерная. Сюжет затрагивает острые темы, включая на-

силие и употребление запрещённых веществ.

Книга содержит сцены насилия и ненормативную лексику, обусловленную эстетикой панк-культуры. 18+

Предупреждение: книга содержит сцены, способные шокировать неподготовленного читателя.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов причиняет вред здоровью; их незаконный оборот запрещён и влечёт ответственность, установленную законодательством.

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения случайны.

Кэролайн

Чёртов перелёт, мать его! Смена часовых поясов — это не шутки. Два часа разницы между Ярославлем и Дублином на бумаге выглядят безобидно, но когда ты после трёх часов сна, эти два часа превращаются в непреодолимую пропасть. В ушах всё ещё стоял гул басов и рёв толпы. Тело уже предавало, требуя горизонтального положения. Я мысленно поблагодарила парней из «АндеграундаZ» — настоящие братья. Они обещали закинуть мою гитару в квартиру и не дать моим кошкам умереть с голоду.

Я всегда плохо переносила самолёты. Эта консервная банка на высоте десять тысяч метров — мой личный филиал ада. На тур мы с группой предпочитали арендовать автобус: там можно развалиться и спать вповалку. Или ехать на своих машинах в соседние города, когда какой-нибудь клуб приглашал на выступления.

Новость о свадьбе отца огорошила меня как удар бас-бочкой по черепу. Звонок видеосвязи, его виноватая улыбка и фраза: «Дочка, я женюсь». Конечно, стоило сказать раньше! Я бы хоть платье купила. А теперь придётся ехать в том, что есть. Мой гардероб — это сплошной чёрный цвет, кожа и заклёпки. Надеюсь, у меня будет пара часов в Дублине, чтобы найти «нормальное» платье. С точки зрения его невесты, конечно.

Я была рада за него. Он заслужил счастье после всего. Но почему не сказал раньше? Боялся моей реакции? Смешно. Мы всегда были близки с папой, несмотря на то, что ему приходилось постоянно мотаться между Дублином и Ярославлем.

Папа всегда жил на две страны. Мама была невыездной: служба в МВД накладывала обязательства. Она умерла от рака четыре года назад. Мне было шестнадцать. Тогда отец забросил свой бизнес по производству музыкального оборудования, прилетел в Россию и просто... исчез для всех, кроме меня. Он погрузился в такую глубокую депрессию, что я боялась оставлять его одного.

Я тогда заканчивала школу. Своим детским ещё мозгом я не понимала всей глубины его горя. С виду всё было нормально, он готовил ужин к моему приходу. Но однажды соседка отвела меня в сторону и сказала то, что перевернуло мой мир. Оказывается, целыми днями он лежал на полу и смотрел в потолок. А один раз она видела его на подоконнике открытого окна.

Спасибо ей за это. Именно тогда я поняла: пора действовать. К тому моменту уже собралась наша группа. Я уговорила своих парней — моих братьев по сцене — прийти ко мне домой. Не знаю как, но нам удалось вытащить отца к врачу. Он стал принимать таблетки, а когда тьма отступила — вернулся к работе.

Именно он подарил мне мою первую электрогитару, когда

мне было одиннадцать.

Мама... Она была мировой женщиной. Когда её не стало, часть отца умерла вместе с ней.

Вскоре он поправился и предложил мне улететь с ним в Дублин. Я отказалась. Это был мой выбор — остаться здесь. И я благодарна отцу за то, что он его принял.

Папа уехал окончательно, когда мне было почти восемнадцать, но мы созванивались каждый день.

После школы я выбрала вторую свою страсть — детей. Пошла учиться на педагога. Дети — это моя любовь. У меня есть мечта: я очень хочу двоих — сына и дочь.

Учёба не мешала музыке. Отец научил меня играть в десять лет. Когда я слышу звук перегруженной электрогитары, меня пробивают мурашки до самых костей... Это не передать словами.

Первый выход на сцену был в семнадцать лет. Поле, жара, тучи комаров — всё это мелочи, по сравнению с тем моментом, когда ты видишь начинающийся слэм и понимаешь: твоя музыка им нравится.

Я волновалась только в первый раз. Потом всё пошло как по маслу. В свободное время мы творили: писали тексты, в основном по ночам, и репетировали до мозолей на пальцах.

В университете я перевелась на заочное. Хотя папа и не жопил для меня денег, но я решила ни от кого не зависеть. Параллельно прошла курсы повара и подрабатывала то там, то тут.

На концерты нас стали звать всё чаще. На моё восемнадцатилетие папа подарил мне репетиционную базу и оборудование для записи. Я отказывалась — мне казалось, что у него дела идут не очень. Но папа был непреклонен: «Это благодарность за хорошее поведение».

Парни из группы были под стать мне — почти не пили. У всех парней уже были семьи. У нашего барабанщика Олега уже четверо детей! И ему это чертовски шло. Когда я видела, как этот brutальный бугай виновато опускал голову перед своей четырёхлетней дочерью, мне хотелось плакать от умиления. Из нашей компании только я была без отношений.

Их жёны никогда меня не ревновали к ним; они знали: в турах я присматриваю за их мужиками как сестра.

Когда я вышла из терминала аэропорта Дублина, реальность ударила по глазам непривычной зеленью и влажным воздухом.

— Здравствуйте, Кэролайн! Я водитель вашего отца, приехал за вами.

— Здравствуйте! Зовите меня Кэри... Ненавижу это имя! — выпалила я раньше, чем успела подумать о вежливости. Водитель — пожилой ирландец с добрыми глазами — мягко улыбнулся:

— Хорошо... Кэри.

Он взял мой чемодан так легко, будто тот ничего не весил.

Последний раз я была здесь в четырнадцать лет. Папа привозил меня к этим людям — седьмая вода на киселе. Век бы

их не видеть! Кроме папы у нас ничего общего не было.

Пока мы ехали по утреннему Дублину, мне удалось немного прикрыть глаза. В Ирландии сегодня будет жуткая жара! Ненавижу жару!

На часах было четыре утра, когда мы подъехали к дому отца. Я его даже не узнала! Всё было украшено в пастельных тонах — море лилий! Они источали такой густой аромат, что от него начинала кружиться голова.

Я покачнулась и непременно упала бы, если бы водитель не подхватил меня за руку.

— Осторожнее, Кэри! Вы в порядке?

— Спасибо... Я просто очень устала и хочу спать.

В этот момент тяжёлая дубовая дверь дома распахнулась. На пороге стоял отец:

— Привет, родная!

Он шагнул ко мне и обнял так крепко, что у меня затрещали рёбра. От него пахло домом и дорогим парфюмом — чужой запах.

— Привет, пап... — я расплылась в счастливой улыбке.

— Как добралась? Сильно устала? — отец заботливо убрал локон волос мне на ухо.

— Я после выступления — сразу в аэропорт... Даже толком собраться не успела...

— Идём, родная. Твоя комната тебя ждёт!

Мы поднялись по знакомым ступеням.

— Пап? У меня совсем нет одежды на церемонию! Я при-

ехала с концертным набором вещей: пара футболок с принтами групп и джинсы... — я виновато улыбнулась.

— Тогда я попрошу разбудить тебя раньше обычного. Ты сможешь съездить и купить всё необходимое!

Я остановилась и посмотрела ему прямо в глаза:

— Пап? Почему ты мне не сказал раньше, чтобы я успела хотя бы купить тебе подарок? Я хорошо отношусь к тому, что у тебя кто-то появился. Тебе всего сорок шесть лет!

Отец отвёл взгляд куда-то в сторону сада:

— Ты мой лучший подарок, дочка. Я никогда бы не подумал... Но я рад... Ты скоро с ней познакомишься. Она суетливая немного... но добрая...

В его голосе звучали странные нотки: то ли вина, то ли спешка.

— Я задала тебе конкретный вопрос! А ты уходишь от ответа... пап? — я выгнула бровь.

Он вздохнул:

— Мы позже обязательно поговорим обо всём... Но сейчас тебе надо отдохнуть! Ты уже сутки на ногах!

Слишком уставшая, чтобы спорить или препираться из-за его увёрток, я приняла душ. Благословенные горячие струи воды смыли дорожную пыль. Я включила кондиционер на полную мощность, ненавижу это адское пекло, и рухнула на кровать прямо поверх покрывала.

Я тогда ещё не понимала, что это был последний мой спокойный сон.

Кэролайн

Я проснулась оттого, что в комнату влетел ураган под именем Джулия. Мне удалось поспать всего часа три, и тело ощущалось как чужое, налитое свинцовой тяжестью. Я с трудом разлепила веки.

— Что за прелесть у нас здесь? Привет! — прошептала Джулия и кинулась обниматься.

Я, ещё не вынырнув из мутной пелены сна, никак не отреагировала на её пламенную речь и крепкие объятия. Просто лежала солдатиком, позволяя себя тискать. Я отметила, что хоть женщина и миниатюрная, но сильная, как сто чертей. Она была на голову ниже меня, блондинка с тонким, почти птичьим голосом и волосами, стриженными в каре. Она кардинально отличалась от мамы.

Мама была высокая, как я, брюнетка с голубыми глазами. От неё я унаследовала рост метр семьдесят пять и цвет глаз. Рыжими волосами я пошла в папу. В восемнадцать лет я покрасила их в чёрный цвет и очень его любила, но меня бесило каждые две недели закрашивать корни, и я решила вернуть свой родной цвет.

Пока я приходила в себя, эта неугомонная блондинка сдёрнула меня с кровати и рассмотрела со всех сторон, приговаривая:

— Надо сделать косы, подрумянить щёки, уж слишком

бледненькая... За платьем можно не бежать, у меня как раз есть кое-что подходящее.

Последняя фраза заставила меня вздрогнуть. Я слишком хорошо знала этот тон — так говорят, когда хотят сделать «добро» без спроса.

— Джулия, мне очень надо в магазин! Я ничего не купила вам на свадьбу, — созналась я.

— Дорогая моя, не переживай. У тебя будет возможность сделать нам подарок.

Эта фраза должна была насторожить меня, но я пропустила её мимо ушей, списав на свадебную суету.

— Значит так: просыпайся, пей кофе, потом я тобой займусь. — Джулия упорхнула из комнаты.

Я села на кровать и взглянула на себя в зеркало. Красотка, что сказать: огромные синяки под глазами, волосы висят паклями. Я так и не успела помыть голову. Кое-как соскребла себя с кровати и поплелась в душ.

По пути чуть не сшибла журнальный столик. На нём стояли фотографии: родители (счастливые), школьные друзья, с которыми наши пути разошлись, и моя первая любовь. Мы познакомились в мой последний приезд.

Папа водил меня тогда на концерт Ozzy Osbourne. На тот момент Оззи в Россию уже не ездил. Мы стояли рядом с этим парнем... Всё это было так давно и казалось теперь таким нереальным.

Закончив с душем, я вышла из ванной, и меня тут же об-

лепили визажист и парикмахер. Джулия в это время сунула мне в руку чашку с остывшим кофе и убежала по своим делам. У визажиста так и не получилось замазать мои стрелки на глазах. Плотный чёрный пигмент татуировки был сильнее любой косметики. Коллективным разумом было решено их оставить. Девушка с помощью тональной косметики убрала мою природную бледность и замаскировала шрамик на брови от старого пирсинга.

Я усмехнулась про себя: в пятнадцать лет я проколола бровь обычной швейной иглой в ванной. Хорошо хоть обошлось без инфекции. Увидев меня тогда с опухшим глазом, мама ничего не сказала. Я думала, мне перепадёт, как минимум, гитару отберут. Но она просто молча сходила со мной в косметологию. Эта молчаливая поддержка стала для меня опорой на всю жизнь.

Парикмахер уложила мои длинные, до поясницы, рыжие волосы в какую-то сложную косу и щедро приправила эту хрень лаком. Я была уверена, что это ненадолго. Я-то знаю свои волосы.

На кровати лежало розовое недоразумение — этакая гора дешёвой синтетики, притворяющаяся нарядом.

Я любила платья. Любила наряжаться. Но это розовое нечто я не надену ни за что на свете. Осмотрев себя в зеркале после работы визажиста, я поняла, что эта херня смотрится на мне, как маска. Бледность и синие глаза были моей изюминкой, которая прекрасно сочеталась со сценическим об-

разом «АндеграундаZ». Иногда я могла обходиться без гри-
ма вовсе.

Девушки ушли собирать Джулию, а я осталась стоять по-
среди комнаты в чужом образе. Покопавшись в чемодане, я
ничего подходящего там не нашла. Значит, придётся наве-
даться в магазин.

Я прыгнула в джинсы, натянула любимую футболку с ло-
готипом Slipknot (мой личный бронежилет), схватила теле-
фон и выбежала из комнаты. Часы показывали девять утра.
Повсюду туда-сюда с ошалелыми глазами бегали организа-
торы свадьбы. «Мда, папочка, держись», — мысленно посо-
чувствовала я отцу. Я знала, как его бесит подобная помпез-
ность. А срезанные цветы, он всегда считал пустой тратой
денег. Я была с ним полностью согласна.

Прошмыгнув к выходу из дома через кухню, чтобы ни с
кем не столкнуться, я врезалась в дверном проёме в мужчи-
ну. На вид ему было лет тридцать. Красивый, зараза: идеаль-
ные черты лица, уложенные волосы, но слишком пафосный.
Слишком правильный. Видимо, это кто-то из родственников
Джулии. Он одарил меня презрительным взглядом — будто
испачкался в каком-то говне. Я опустила взгляд, поздорова-
лась по-русски («привет» прозвучало глухо) и прошмыгнула
мимо.

Идя к воротам по гравийной дорожке, я физически чув-
ствовала, как мне прожигает спину его взгляд. По позвоноч-
нику пробежал холодок. «Ну на хрен», — отругала я себя

мысленно и открыла карты на телефоне, чтобы посмотреть, где ближайший торговый центр.

Получилось быстро вызвать такси. Я поставила конечную точку прибытия на карте. Пока ждала машину у ворот, то и дело ёжилась от этого ощущения чужого взгляда между лопаток. Обернувшись к дому, я увидела то, от чего внутри всё похолодело: на втором этаже на балконе стоял этот мужчина и о чём-то разговаривал с отцом, но его уничтожающий взгляд был прикован ко мне. «Конечно, — фыркнула я про себя, — я понимаю, что не первая красавица мира, но так откровенно, презрительно пялиться — это просто тупо. Пусть свои стандарты оставит себе».

Подъехало такси. Я села в машину и наконец-то вздохнула с облегчением. В машине мне пришло сообщение от отца: «Не задерживайся. Церемония в церкви в одиннадцать утра». Дьявол! Только бы не опоздать!

В торговом центре я зашла в первый же магазин женской одежды. Продавец тут же подбежала ко мне, пытаясь выяснить что-то на быстром ирландском-английском. Я не смогла объяснить ей свои вкусы словами, пришлось печатать в телефоне и пользоваться переводчиком.

Я быстро подобрала платье моего любимого чёрного цвета. Всё-таки я не могу от него отказаться — это моя вторая кожа. К нему нашла удобные балетки: чтобы ноги не устали стоять во время церемонии, да и на каблуках я как корова на льду. Лучше совсем без них. Надо было бы купить ещё

колготки, но нужного размера не было. Тогда продавец положила передо мной упаковку чулок. За нехваткой времени я не стала больше метаться и взяла предложенное.

Продавец упаковала мои вещи. Я даже успела купить бельё под платье. Потом побежала к выходу искать ожидающую меня машину.

В дом я вернулась быстро — у меня осталось несколько минут переодеться перед выходом. Скоро начнётся церемония. Блин! В православную церковь нужен платок! Я забыла!

Уже одетая в новое платье — чёрная ткань облегла фигуру до талии и подол свободно спадал чуть выше колена, — я метнулась к чемодану. Достала из него бандану с белыми черепами — единственную вещь для головы, которая могла хоть как-то сойти за головной убор в моём понимании. Обычно я завязываю её на волосы, когда становится очень жарко на сцене. Выступать предпочитаю с распущенными.

Я быстро оглядела свой образ в зеркале, — татуировки на руках идеально вписались. На свои двадцать лет я сделала себе подарок и забила татуировками руки, начиная от кистей до предплечья. Бандана полетела в сумку-рюкзак, и я поспешила вниз.

Отец был уже там в компании гостей, которых я не знала. Он жестом позвал меня к себе. Когда я подошла, он представил меня всем.

— Это моя дочь Кэролайн... Кэри... А это что у тебя на руках?

Совсем забыла сказать папе, что несколько недель назад исполнила свою мечту. На руках красовались татуировки с эмблемами групп «Ария», «Король и Шут», «Сектор Газа», «План Ломоносова» — тех самых гигантов русского рока...

— Пап, я забыла тебе сказать...

— Ладно, дочь, уже нет времени! Держись рядом с Майклом! Это брат Джулии.

Он перевёл взгляд на мужчину... который мысленно облил меня дерьмом, утопил в нём, затем воскресил и утопил снова. Это был тот самый мужчина, с которым я столкнулась утром.

Отец мгновенно потерялся среди гостей. Я посмотрела на мужика рядом со мной. Он был выше меня и довольно раскоченный в плечах под идеально сидящим костюмом. Я ещё раз отметила про себя: красавчик, хоть и слишком слащавый. Не нравятся мне такие «сладенькие мальчики». Я уже было отвернулась, как услышала над ухом:

— Должен отметить, что ты отвратительно выглядишь. Это свадьба, а не сборище наркоманов.

Я с изумлением уставилась на него. Я точно всё правильно услышала? Он меня сейчас обосрал?

— Ты, наверно, перевариваешь то, что я сейчас сказал, своим иссохшимся мозгом? Можешь не пытаться понимать. Я нянькаюсь с тобой только для того, чтобы ты своими выходками не испортила свадьбу моей сестры.

Я хотела было возразить, рука уже сжалась в кулак, но тут

вышла невеста — сияющая Джулия. Все двинулись к выходу из дома к веренице машин.

Перед тем как выйти окончательно, я бросила последний взгляд в зеркало гостиной: чёрное платье сидело идеально, чулки надёжно прикрыты лёгкой тканью, а татуировки на руках идеально вписались. Всё выглядело гармонично.

Мы сели в его машину, огромный чёрный внедорожник, и до церкви больше не обронили ни слова. Атмосфера была такой густой и токсичной, что её можно было резать ножом. Кондиционер его машины немного охлаждал мою горячую кожу под тонной косметики. Надо смыть с себя это дерьмо.

Перед входом в храм я решила распустить волосы: коса всё равно уже развалилась от лака и влажности воздуха. Я шагнула в сторону туалета для посетителей на территории храма, но тут же мне в руку вцепилась его клешня. По-другому назвать эту хватку было нельзя. Пальцы сжались чуть ли не до боли.

— Куда собралась? — прорычал он мне прямо в ухо так тихо, чтобы слышала только я.

Я взбесилась. Выдернула руку резким движением:

— Какого дьявола ты со мной так разговариваешь? Я хочу в туалет! Можешь сопроводить и подержать дверь!

«Кретин, мать его!» Я резко развернулась к нему спиной, расплетая косу на ходу. Он меня очень удивил тем, что действительно пошёл за мной к кабинкам. Он остановился у входа, как сторожевая собака у будки. Я зашла в кабинку.

Быстро сделав свои дела, распустила волосы по плечам. Они тут же рассыпались огненным каскадом.

Простой водой косметика смывалась плохо, пришлось воспользоваться влажными салфетками. Хорошо, что всегда ношу их с собой. Немного расчесала их пальцами от корней до кончиков и достала из сумки бандану с черепами. Выйдя из кабинки обратно, где он ждал, я снова поймала на себе этот презрительный взгляд зелёных глаз. На бомжей и то так не таращатся!

— Это что?

Он скоро начнёт блевать своей же желчью.

— Я забыла купить платок. В храм нельзя с непокрытой головой.

— Я привозил тебе утром платье. С ним это было предусмотрено!

— Это розовое облако я не надену никогда!

— Лучше одеваться, как шлюха с трассы!

Он снова шагнул ко мне так близко, что я почувствовала запах его дорогого парфюма вперемишку с гневом. Он снова схватил меня за руку выше локтя своей клешней и потащил обратно к машине.

— Снимай эту тряпку! — сказал он сухо, доставая из бардачка тёмно-синий шелковый шарф, — Завяжи лучше это!

Спорить не было времени — часы тикали неумолимо быстро к одиннадцати часам. Я молча сняла бандану и убрала её обратно в сумку-рюкзак, мой маленький островок без-

опасности. Наклонилась к зеркалу заднего вида машины и накинула на голову этот шарф. Он пах дорогими женскими духами сладкими и тяжёлыми. Вопросительно подняв брови, я решилась спросить:

— Это шарф Джулии? Она забыла его у тебя?

Он дёрнул уголком губ:

— Да. Она забыла его у меня в машине вчера вечером.

Я отвернулась от Майкла и завязала шарф поверх волос узлом под подбородком, как показывали в кино. Похер на его оскорбления, ради папы... Всё-таки он прав: бандана с черепами не лучший атрибут для входа в храм Божий для венчания отца.

Мы вышли из машины и пошли к храму через площадь под палящим солнцем Ирландии, которую я ненавидела. Внутри храма было намного прохладнее благодаря толстым каменным стенам. Моя кожа тут же покрылась мурашками контраста температур после уличной жары.

Начался обряд венчания по православным канонам. Папа был православный, несмотря на то, что родился в католическом государстве. Я не была сильно верующей, но обряд поражал своей торжественной красотой: запах ладана смешивался с ароматом лилий Джулии, витражи бросали цветные блики на мраморный пол, хор пел что-то возвышенное... Я заморожённо смотрела за плавными движениями батюшки и на красивейшие образа на иконостасе...

Вдруг над самым ухом я почувствовала тёплое дыхание, и

раздался тихий шёпот Майкла:

— Надеюсь, демоны из тебя сейчас не полезут? А то вместо свадьбы придётся проводить обряд экзорцизма...

Я вспыхнула до кончиков волос, но не стала отвечать ему тем же или поворачиваться к нему лицом. Хотя было чем ответить. Не то место и не то время для склоки двух идиотов.

После обряда отец и Джулия поехали отдельно в мэрию на официальную регистрацию брака. Папа хотел соблюсти все формальности. Остальные гости отправились обратно к дому отца для банкета во дворе особняка под открытым небом.

На заднем дворе уже всё было готово для торжества: шатры расставлены по линейке, официанты скользили бесшумными теньями, столы ломились от закусок, играла ненавязчивая музыка...

Скоро приедут «молодожёны». Мне нужно было успеть сделать одно важное дело до их приезда: перелить вино из бутылки у моего места за столом, чтобы не вышло казуса...

Папа знает о моей маленькой хитрости: я никогда не пью алкоголь. Он сказал персоналу, который обслуживает свадьбу, заменить одну из бутылок красного вина морсом... Но они либо забыли об этом, либо просто перепутали бутылки за общим столом... В итоге рядом с моим местом стоял графин с морсом вместо бутылки вина! «Так дело не пойдёт», — решила я про себя. Вроде и похер, но обязательно найдётся какой-нибудь уродственничек, который вынесет тему моего отказа от алкоголя на всеобщее обсуждение. Лучше

обезопаситься.

Уродственнички стали создавать суматоху, рассаживаясь в соответствии с табличками. Свою я переставила на место рядом с папой. На свадьбах в России всё садились, куда хотели. Парни и их боевые подруги никогда не заморачивались с этим.

Вот подъехали отец с уже женой Джулией! Они красивые и счастливые принимают поздравления от родственников со стороны невесты. Они светятся изнутри... Папа заслужил покой после всего пережитого кошмара со смертью мамы...

Я тоже подошла поздравить их после того как схлынула первая волна родственников-кровопийц, как говорила мама. Обняла их обоих по очереди крепко-крепко и от всей души пожелала им счастья:

— Будьте счастливы! Вы это заслужили!

Для своих сорока шести отец выглядел прекрасно: подтянутый мужчина без грамма лишнего веса, седина лишь слегка тронула его волосы, а улыбка делала его лет на десять моложе... С виду никогда не скажешь по этому подтянутому бизнесмену, что у него взрослая дочь-рокерша.

В этом долбанном цирке, пока все искали свои места, и отвлеклись на тосты за здоровье молодых, я улучила момент... Умыкнула со стола бутылку вина — тяжёлое стекло приятно холодило ладонь — и незаметно юркнула за угол дома к чёрному входу кухни. Повара были заняты выносом горячего. Никто меня не заметил, как я думала...

Я вылила терпкое красное вино прямо на траву, оно впиталось мгновенно, потом побежала в кухню и достала из холодильника морс, персонал оставил там запас и аккуратно наполнила бутылку до краёв, закрыла пробкой и унесла обратно, затем поставила на стол так, будто ничего не было...

У выхода из кухни-цеха я опять наткнулась взглядом на Майкла. Он стоял у колонны беседки, откуда просматривался весь двор и смотрел прямо на меня через толпу людей этим своим фирменным презрительным зелёным прищуром хищника. Ну что за пиздец...

— Так не терпится выпить? — язвительно спросил он, когда перехватил меня, когда я пробиравлась к столикам.

— Ну почти! — огрызнулась я, проходя мимо, и оттолкнула его плечом. Я заняла место за столом рядом с папой. Там он уже точно не посмеет меня достать.

Кэролайн

Отец с Джулией устроили пышный банкет. Мы с папой наговорились вдоволь. Я узнала, что папа боялся моей реакции и ревности. Что за бред, ревновать своего отца? Мы хоть и довольно близки, и жутких ссор у нас не было, но отец постоянно беспокоился, хотя я давно живу одна. Истинный тревожник. Я его понимаю, сама начинаю загоняться из-за каждой фигни. Не буду его упрекать. Я его тоже не особо посвящала в отношения с Роем.

Это была моя первая детская любовь, фотографии которой до сих пор украшают журнальный столик в моей старой комнате. Я очень глупо тогда выглядела, со шрамом на брови, из-за неудачного пирсинга, и разноцветными прядями волос. Для отца мы были просто друзьями, хотя, когда Рой приезжал в Россию, мы чуть было не переступили черту. Я в последний момент испугалась, и ничего не было. Может, из-за этого он и перестал со мной общаться. Но я не переживаю. В любом случае мы с ним увидимся. Пусть как друзья. Мне интересно, как сложилась его жизнь.

Я поближе познакомилась с Джулией. Она оказалась очень приятной женщиной. Ей тридцать шесть. Она актриса и просто умный человек. Мы нашли общие темы для разговора, хотя я сначала думала, что она дура и её интересы заканчиваются на шмотках и дорогих ресторанах. Она мне

рассказала о своей работе. Классно, что она много знает. Дур папа никогда не мог терпеть. Даже уродственничков. Её брат — продавец предметов искусства. Если я правильно поняла, то он торгует картинами с выставок. Если так, то он очень богатый человек.

За разговорами моя бутылка с «вином» быстро опустела. Надо бы налить ещё. Пока все были заняты разговорами, а кто-то отжигал на танцполе, я быстренько проскользнула на кухню. Повара по-прежнему трудились. Когда стала наливать морс в бутылку, сзади меня кто-то схватил за талию. Я взвизгнула и выронила бутылку и графин. Всё разбилось, хорошо, что в раковину. Повара обернулись. Помочь всё убрать поспешила посудомойщица.

Я обернулась и уставилась в полном охренении на Роя.

— Привет! — с широкой улыбкой сказал парень.

Хотя нет. Это уже мужчина. Высокий, широкоплечий, с бородой. Его ирокез сегодня был уложен на бок. Я радостно обняла его. Как же я была рада его видеть, но не как любимого мужчину, а как друга. Моё сердечко полностью успокоилось, почувствовав, что оно свободно.

— Я тоже рад тебя видеть, — сказал он. — Как ты? Извини, что я исчез. Просто...

— Ты женился... — закончила я, бросив взгляд на его правую руку. — Я искренне тебя поздравляю.

— Ты не обижаешься?

— За то, что пропал, обижаюсь, а за то, что женился, нет.

Этого следовало ожидать. Всё-таки мы живём на разных концах света и между нами несколько тысяч километров.

Мы немного поговорили, и Рой повёл меня познакомить со своей женой. Ей оказалась красивая маленькая брюнетка. Она не знала русского, и мы не смогли нормально поговорить.

Обменявшись несколькими фразами с Роем, я почувствовала, что кто-то прижимает меня спиной к груди. В нос ударил запах цитрусов и дорогого парфюма, потом последовал поцелуй в висок.

— Милая, мы тебя потеряли.

Я вздрогнула от неожиданности, поняв, что меня прижимает к себе тот, кто весь день смотрел, как на кусок дерьма. Я не успела отойти от шока, как увидела, что Майкл протягивает руку Рою и представляется моим женихом. Стоп! Что? Я охреневаю всё больше и просто смотрю, выпучив глаза. Майкл, обняв меня, уводит в сторону столов.

На полпути вдруг останавливается и резко целует меня. Прямо в губы на глазах у моего отца. Поцелуй был жадный и требовательный, как будто наказывал меня за что-то. Одна из его рук держала меня за талию, а другая прошлась по бедру, нащупывая резинку чулок. «Ах, ты гадёныш!» Я схватила зубами его за нижнюю губу, и он отпустил, стараясь не привлекать к себе внимания со стороны гостей.

Всё-таки папа не виноват, что у его жены брат — долбоёб, хотелось вклепить ему хорошего леща. Я покраснела от зло-

сти, вырвалась и пошла к столу, где сидели отец с Джулией. Джулия, видя нас, ядовито улыбнулась брату. Хорошая актриса.

— Что за гадость ты сделал девушке, что она хочет провалиться сквозь землю?

— Ничего, дорогая сестра. Просто предотвратил скандал, который висел над тобой дамокловым мечом.

Отец посмотрел на меня, но по его лицу сейчас нельзя было понять ни одну эмоцию. Он так делал, когда хотел что-то скрыть. Я старалась успокоиться, хотя очень хотелось плакать. Я уже не слушала, что говорит ведущий, не смотрела на конкурсы, только пила холодную воду и старалась привести свою башку в равновесие.

Потом до моего слуха донёсся голос ведущего:

— И последнее, самое трепетное и нежное поздравление прозвучит от дочери нашего жениха! Кэролайн, пожалуйста!

Ведущий жестом пригласил меня на импровизированную сцену. На ней я увидела, как музыканты и техники устанавливают аппаратуру. Я с ужасом перевела взгляд на отца. В его ответном взгляде читалось: «А что ты хотела? Все эти люди говорят, что твоя музыка — хрень собачья. Докажи им, что это не так». Я вспомнила, как одна из родственниц (даже и не знаю, кто это была, и не помню её имени) начала высказывать отцу, какая я непутёвая и проблемная; что я обязательно сблядуюсь, сторчусь. Ну что ж... Попробую поставить всех на место.

Мысленно я перенеслась к своему чемодану в поисках удобной одежды. Осанка вытянулась в струну, и я пошла на сцену. Быстренько набросала музыкантам то, что я хочу видеть. Класс! Парни уже знакомы с моим репертуаром. Это радует. В две секунды накидали сет-лист, и я пошла к микрофону. Из всех взглядов с площадки я выловила самый родной и поддерживающий взгляд отца и смотрела только на него. Я заговорила по-русски. Кому надо — тот поймёт.

— С днём свадьбы, папа и Джулия! Не буду лить сироп. Скажу просто: Джулия, ты вернула папе свет в глазах. Это дорогого стоит. Пусть ваш дом будет местом силы, где можно быть настоящими, без масок. Пусть любые бури только укрепляют вашу связь. Подарок — наши песни про любовь. Это не про идеальную картинку, а про то, как не отпускать руку, даже когда страшно. Будьте счастливы по-своему, по-настоящему.

Для меня сюрпризом стало то, что на экране прожектором высветился наш логотип, который я рисовала и который согласовывали несколько месяцев! Я достала телефон, сфотографировала и побежала в дом переодеваться, по пути успев кинуть эмблему в чат парням. Мой концертный образ, кожаные брюки и топ, высохнуть не успел, поэтому я переоделась в чёрные джинсы и футболку с логотипом Slipknot¹, в которой утром ездила в торговый центр.

Когда я вышла на задний двор и двинулась к сцене, гости

¹ Slipknot — известная американская ню-метал группа.

проводжали меня скептическими взглядами, но самый главный взгляд выражал поддержку и одобрение. Я не попсовая певица, чтобы выходить на сцену в розовом платье. Я — гитаристка панк-рок группы «АндеграундZ»! Выйдя на сцену с незнакомыми музыкантами, я кивнула им. Вот настоящий панк-рок, ни разу не отрепетировав вместе. Быстро надел гитару, которую прежде в руках не держала ни разу, настроила нужный лад, и зазвучали первые риффы. Вокалист вступил, а я унеслась мыслями далеко-далеко к своим парням, к своей аудитории в России...

И уже было плевать, кто что скажет из этих гостей. Кайфанут ли они так же, как мы кайфуем от своей музыки, или обсвистают и закидают камнями. Мне было уже всё равно! Самый главный мой слушатель сейчас находился в нескольких метрах от импровизированной сцены и знал каждую песню наизусть. Одна песня сменялась другой. Вокалист пел о любви вампирши и простого смертного. Пели о том, как молодого парня обманом заманили на болота — он там погиб и стал лешим. И о том, как девушка от неразделённой любви превратилась в русалку...

Музыка лилась рекой! Гости сначала молчали... Потом мой взгляд ухватился за Роя: он вёл свою жену на танцпол, и с этого началась волна. Подвыпившим гостям было неважно, под что танцевать... Я видела одобрение в глазах главного для меня человека — папы. Значит, так называемый подарок удался! Всего мы сыграли семь песен. Видно было: пар-

ни всё выучили и репетировали без меня. Молодцы. Сыграли достойно. Инцидент с поцелуем забылся. Я свалила всё на алкоголь, который бушевал в крови этого человека. Я прекрасно знала: людей в трезвом уме, таких, как он, я пугаю...

Только я успокоилась, как почувствовала презрительно-прожигающий взгляд. У меня снова стало гореть лицо... «Да бля, чем я заслужила такое презрение? Ну, может, рожей не вышла на его вкус... но это же не повод так откровенно презирать». Закончив выступление, парни начали сворачивать инструменты; заиграла тихая, спокойная музыка. Я спустилась со сцены и подошла к отцу. Они с Джулией отправляются в свадебное путешествие в Египет на неделю. Папа сказал об этом за столом во время разговора.

— Детка, это было мощно! — Джулия не лукавила.

Я видела её горящие восхищением глаза.

— Я, конечно, плохо понимаю текст... но ваша энергетика... Вы зарядили всех! Даже тех, кто не слушает рок от слова «совсем». Правда, дорогой? — обратилась она к брату, который подошёл и встал чуть позади меня.

— Я сегодня трезв, поэтому для меня это просто какофония. И что за название такое? Подземелье. Вы все из него выползли?

После этой фразы я закатила глаза.

— Майкл, заткнись! — рявкнула Джулия.

— Дочь! О лучшем подарке я и мечтать не мог! Теперь я уезжаю со спокойной душой, зная, что с тобой всё будет

хорошо.

Отец не обратил внимания на его выходку.

— А разве когда-то со мной было плохо? — недоумевала я.

— Нет, солнышко... Я просто переживал, что вся ваша рок-тусовка поймает звезду... А дальше ты сама знаешь...

К сожалению, я знала... Сколько тупых и пустых стереотипов ходит вокруг рок-тусовки: мы все наркоманы, алкаши, что бухаем каждую свободную минуту... А мы такие же люди, только с другим вкусом, мы создаём семьи и воспитываем детей. В обычной жизни все работают по обычным профессиям... Иногда выходят на рок-концерт послушать музыку потанцевать. Кто-то ходит ради того, чтобы устроить слэм... Я не хочу никому ничего объяснять! Я такая, какая есть — другой не стану! Это буду уже не я. Я мягко улыбнулась отцу и его жене. Всё-таки она хорошая...

— Хорошего вам отдыха! Я поищу билеты в Россию на завтра, сегодня хочу переночевать в отеле!

— Зачем тебе тратить деньги на отель? Майкл живёт в центре Дублина. Он с радостью о тебе позаботится. И уезжать не торопись. Отец много лет звал тебя посетить Ирландию, но ты всё отказывалась.

— О... Я не хочу никого стеснять...

— Ты меня не стеснишь! — прервал мою фразу Майкл

— Дочь! — строго обратился ко мне отец, не давая возможности вставить ни слова. — Мы видимся только по ви-

деосвязи... Я тебя очень прошу: дождись моего приезда через неделю. Потом неделю проведём вместе, и ты улетишь домой. Твои друзья присмотрят за всем... Я уже им написал сообщения. Они все сказали, что вам нужен отпуск. Вы только закончили гастрольный тур, а ты сразу погнала их в студию! Пусть они тоже отдохнут. Ты ни черта не сидишь на месте, и им некогда выдохнуть. Так вы быстро сгорите.

На этот аргумент у меня возражений не нашлось:

— Хорошо, пап. Я сниму квартиру...

— Тебе это не нужно! Ты спокойно можешь остановиться у Майкла до нашего приезда. Он как раз хотел пообщаться с носителем языка, чтобы подтянуть русский. Он давно хотел выйти на российский рынок, но языковой барьер ему мешает, — прощеветала Джулия.

Я посмотрела на чёрного, как туча Майкла. Видно было: он не горел желанием быть моей нянькой, да и с русским у него проблем нет. Изъясняется он весьма неплохо, хоть и с акцентом. Не успела я что-либо вякнуть, как Джулия пропищала:

— Вот и договорились.

Потом схватила меня под руку и стала уводить за собой, на ходу оборачиваясь к мужчинам:

— Нам надо посекретничать.

Мы поднялись в спальню к отцу.

— Детка, спасибо тебе, что лишнее внимание ты взяла на себя! Я понимаю: мы только сегодня познакомились, плохо

друг друга знаем, но хочу кое-что тебе сказать... Твой отец действительно счастлив сейчас! Ты всегда успеешь улететь обратно, побудь немного дома... И у тебя будет возможность познакомиться с нами поближе. Мы с Майклом правда рады, что ты здесь!

— Он не очень рад...

Я кинула взгляд на дверь, вспоминая презрение в его глазах.

— Дорогая, не обращай внимания! У него была сложная неделя... — на этой фразе Джулия ехидно улыбнулась.

От усталости я снова пропустила это мимо ушей. Я решила не спорить с ней, а просто покивала головой. Я всё равно сниму квартиру. Я не собиралась жить с этим неадекватом.

— Он полностью в твоём распоряжении, можешь использовать его как хочешь! — Затем Джулия резко стала серьёзной, долго и пристально посмотрела мне прямо в глаза: — Всё будет хорошо! — произнесла она, потом отвернулась. — Помоги мне, пожалуйста, снять платье.

Я подошла, расстегнула молнию и заметила, как Джулия украдкой утёрла слезу:

— Почему ты плачешь?

— Всё хорошо. Не переживай. Отдохни как следует.

Джулия стала переодеваться, а я двинулась к выходу из комнаты. В коридоре пришлось остановиться и прислониться к стене. Долгий день, перешедший в незапланированный концерт, отозвался болью в пояснице и внизу живота. К со-

жалению, я прекрасно помню, чем заканчивается эта боль. Голова давно выражает своё отношение ко всему происходящему жутким состоянием, похожим на удары молотком по кастрюлям внутри черепа.

Я поплелась к себе. Моя сумка-рюкзак ждала меня рядом с чемоданом. Мне казалось, что я забыла её в машине Майкла. Скорее всего, он, обнаружив ненужную вещь, попросил кого-то из персонала закинуть её ко мне. Воровать оттуда нечего, кроме банок с лекарствами. Все банковские карты я храню у себя в телефоне и практически не пользуюсь пластиком. Открыв сумку, я нашла нужные таблетки, которые быстро помогают от боли, и запила их водой.

Прилегла, мысленно подсчитывая, сколько времени осталось провести в тишине. Оказалось — нисколько.

Дверь чуть не вылетела от удара ноги. Комната буквально содрогнулась. Ворвался Майкл.

— Ты под кайфом? — прорычал Майкл.

«Твою мать! Что он несёт?!»

— Иди в жопу, — промямлила я сонным голосом.

В голове Перун решил устроить свой панк-рок, я ждала облегчения.

— Значит, я прав.

Раздались шаги.

«Может, он сейчас уйдёт и оставит меня в покое?» Как только пройдёт голова, я хотела найти номер в гостинице и переночевать там. С утра я бы нашла квартиру и неделю про-

вела бы за книгами, рисунками и нотными тетрадями.

Мои мысли прервались резким рывком с кровати. Я взвизгнула от боли и почувствовала, как меня куда-то тащат. Следующее, что я помню, — это ледяной водопад, который обрушился на моё уставшее тело. Он затащил меня под ледяной душ прямо в одежде. Голова мигом взорвалась новым приступом боли.

Я присела на корточки и сжала виски, зубы стали отбивать барабанную дробь. От ледяных струй небольшая резь внизу живота, тянувшая меня ещё с самолета, взорвалась острыми иглами. Мозги отключились к чёрту. Пульсировала только одна мысль: «Согреться».

— У тебя пятнадцать минут, чтобы ты привела себя в порядок. Том с Джулией уже уехали. Я жду тебя в машине.

Звук хлопающей двери прорвался через шум воды.

Я с трудом выбралась из душа. Головная боль не спешила уходить. Хорошо, что телефон я успела выложить на тумбочку у кровати, и он не попал под ледяной водопад. Иначе прощай вся моя работа. Я стянула с себя мокрую одежду, которая за секунду превратилась в настоящий ледяной панцирь и бельё, затем включила тёплый душ и стала смывать с себя этот день. Тонну лака на волосах я тоже смыла и почувствовала, как волосы ожили.

Отогревшись и взбодрившись, я замоталась в полотенце и вышла из душа. В комнате находился Майкл и рассматривал этикетки на лекарствах, которые я всегда ношу с собой. От

неожиданности я чуть не уронила полотенце. Он медленно поднял на меня взгляд.

— Выйди на хер из моей комнаты! Ты сказал, что будешь ждать в машине. — я уже стала рычать от бешенства.

Кожа покраснелась, а глаза защипали слёзы. Он посмотрел на меня так, словно что-то хотел проверить. При этом наклонил голову вбок. Грёбанный хищник!

— Ты всё-таки употребила, или я немного погорячился? — равнодушно спросил он. — В ибупрофене нет наркотических веществ. Его тебе оставлю. Остальные таблетки я пока заберу.

— Мля... Вторые сутки толком не спала. Жутко болит голова, спина и ноги. От перелёта у меня начался цистит, а ты засунул меня под ледяную воду. Пошёл на хуй, мудак!!! Это таблетки, которые я принимаю, когда болею. Здесь нет наркоты. А теперь свали, на хрен! Дай одеться! — Я сорвалась на крик.

Отвернувшись, я пошла к чемодану, не дожидаясь его реакции. Папа уже уехал, попросить о помощи было некого. Ну и похер. Справлюсь сама. Стоя к нему спиной, я наклонилась и трясущимися руками расстегнула молнию на чемодане.

Из сухой одежды осталось только нижнее бельё и то платье, в котором я проходила сегодня весь день. Я не посмотрела, нахожусь ли я одна в этой комнате, — это стало моей ошибкой. Я сняла полотенце и стала надевать нижнее бельё (конечно же, чёрное). На моей молочной коже оно смотре-

лось очень контрастно. Потом я натянула чулки, которые надевала под платье утром. Стоп! А где само платье?

Я обернулась на кровать в поисках одежды, и мои глаза снова встретились с его ядовитым презрением. Я не стала прикрываться — а смысл? Если он всё время находился здесь, то всё уже видел. У меня не было роскошного тела топ-моделей. У меня красивая грудь, есть мягкий живот — но под одеждой его не видно, крутые бёдра и шикарная попа. Пусть смотрит. Я никогда не стремилась к их высушенным идеалам красоты. Так что я не комплексовала, до сегодняшнего дня.

Я потянулась за платьем, когда услышала фразу: «Ну и корова...»

Затем он резко развернулся и вышел из комнаты, давая мне совсем немного времени побыть одной. «Мудак, самый настоящий».

Всё-таки я расплакалась. Последний раз такая адская усталость была после того, как пришлось меньше чем за неделю закрыть сессию в универе. А здесь, я ещё и заболела.

Надеюсь, что пафосный ублюдок сейчас уедет к себе, а я вызову такси и поеду в гостиницу. Расчесав волосы, почувствовала резь внизу живота. Точно цистит словила. Я была готова к этому и взяла с собой лекарства, которые этот мудак принял за наркоту. Но принять их не смогла, так как этот козёл забрал их с собой.

Закончив с волосами, я сгрэбла со стола телефон и вызва-

ла такси. Так-то можно было бы остаться в этом доме (его уже выставили на продажу), но отец собрался переезжать вместе с Джулией в Москву. Это он мне тоже сегодня рассказал. Находиться здесь мне не уютно.

Открыв приложение с отелями, я выбрала недорогой номер с односпальной кроватью и поставила бронь. Потом усиленным оставшейся воли навела порядок в комнате: собрала мокрую одежду в пакет, взяла чемодан и спустилась вниз.

Я ожидала, что мудака уехал к себе... А он как ни в чём не бывало сидел в гостиной и листал семейный альбом. Гости уже разъехались. Заметив меня, он поднялся и протянул мне альбом:

— Жду в машине.

Он вышел до того, как я успела вообще что-то сообразить. Этот ублюдок ведёт себя так, будто ничего не случилось! Оскорбляет меня, думает, что я наркоманка, хотя я вообще не контактирую с употребляющими, подозревает меня во всякой херне...

Я постаралась взять себя в руки и успокоиться. Мне потребовалось несколько минут. На телефон пришло оповещение: такси на месте. Я вышла с чёрного входа, чтобы не сталкиваться с этой особой. Подошла к месту, где должна ожидать меня машина... Но снова увидела его.

— Я отпустил твою машину, — затем кивнул на свою: — Садись.

У меня из глаз полились слёзы. После того, что он сделал,

я даже стоять рядом с ним не хочу.

— Я никуда с тобой не поеду!

Я вытащила телефон, чтобы вызвать новое такси, как произошло то, чего я ожидала меньше всего. В один момент я понимаю, что отрываюсь от земли и оказываюсь на его плече. В голове сразу пронеслось понимание: платье задирается, открывая резинку от чулок! Я стала вырываться и орать:

— Поставь меня на место! Блядь! Отпусти!

Я колотила его по спине, но это оказалось бесполезно.

Вместо того чтобы выполнить требование, этот гад огладил мои ноги:

— Хоть ты и жирненькая, но чулки симпатичные...

И с этими словами запихнул меня в свой кроссовер на пассажирское сиденье. Ко мне никто никогда так не относился. Даже пьяные фанаты вели себя лучше чем все эти уродственнички с мудаком в компании.

— Успокойся, дура! Хватит сопли размазывать!

— Хватит меня оскорблять! Я тебе ничего плохого не сделала! И вообще то, что ты делаешь, — это статья уголовного кодекса! Я обращаюсь в полицию! — У меня уже начиналась самая настоящая истерика. Я устала, хотела спать и резало низ живота.

— Ваши российские законы здесь не работают! Тебя слушать никто не станет! Веди себя тихо эту неделю, и всё будет нормально. В первую очередь для тебя. — Он захлопнул дверь, обошёл машину и сел на водительское сиденье. Завёл

машину и мягко тронулся с места.

Проводив взглядом дом отца, я полезла за блокнотом. Только бы не разреветься снова. С болей внизу живота я старалась переключиться на работу.

У меня получилось записать текст новой песни, которая пришла мне в голову ещё в аэропорту. Поработав минут тридцать — у меня был готов новый текст: история о том, как женщина полюбила волка, а он загрыз всю её семью, — достала телефон, сделала фото текста, и отправила его в чат, в котором мы общаемся с музыкантами. Парни поставили реакцию «видели/прочитали», значит, скоро начнут работать над музыкой.

— Зачем тебе столько лекарств?

Я уже стала забывать о его существовании. Наверное, стоит ответить.

— Когда мы едем в тур, приходится питаться чем попало, иногда приходится ночевать где попало. Я всегда цепляю всякую заразу, а не всегда есть возможность сходить к врачу.

— Значит, ты не будешь против сдать анализы на наркотики?

Он совсем ёбнулся головушкой?

— Ты правда думаешь, что я наркоманка?

Впервые с нашего знакомства я постаралась поймать его взгляд.

— Если мои подозрения не оправдаются, то я готов перед тобой извиниться.

Эта сволочь продолжал смотреть на дорогу и крутить баранку.

— Твои подозрения не оправдаются! А ты не только извинишься, но и поможешь мне снять квартиру! Мне противно находиться рядом с тобой!

Он прищурился и посмотрел на меня:

— В комнате ты явно была под кайфом...

— Я устала. Я вторые сутки на ногах! Я спала в общей сложности часов пять. Я приняла ибупрофен и просто ждала, когда у меня пройдёт голова. А ты ворвался ко мне... Сунул под холодный душ! Если человек лежит на кровати — это не значит, что он наркоман! С чего ты вообще решил, что я что-то употребляю?!

Он не стал отвечать на мой вопрос. Только спросил сам:

— Значит, мне придётся волоком тащить тебя на анализы? Или сама пойдёшь?

— Я пойду сама! Мне нечего скрывать!

— Вот и молодец!

Мы свернули на оживлённую дорогу... Низ живота резануло с такой силой, как будто изнутри глядят раскалённым утюгом.

— Майкл... Мне надо выйти...

— Потерпишь!

Вот ублюдок! Я побледнела — меня стало скручивать от боли:

— Останови эту блядскую машину! У меня цистит! Это

ты виноват!

Я застонала от боли. Майкл выругался на своём языке (скорее всего, опять оскорбил меня), но машину всё-таки остановил. Я вывалилась из машины и побежала к ближайшим кустам. Когда я присела, то не смогла сдержать крик от боли. Скорее всего, воспаление достигло такой степени, что я стала ссать кровью... Я отдышалась и стала возвращаться к машине. Майкл стоял, облокотившись о капот, и, прищурившись, смотрел на меня:

— Что с тобой?

Этот вопрос не выражал беспокойства, он был задан с нескрываемым раздражением.

— Это благодарность за ледяную воду!

Я села в машину и стала искать в своей аптечке что-нибудь, что могло бы облегчить боль, но рука нащупала только пустоту и один ибупрофен. Обычные препараты, которые принимаю в таких случаях, уже не помогут... Нужен антибиотик. Я снова приняла простой обезбол, который у меня остался, потом решила попросить (хотя очень не хотелось).

— Мне очень больно... Мне нужен антибиотик... — Я уже почти рыдала.

Мудак ничего не ответил, но прибавил скорость.

Остаток дороги мы проехали, не проронив ни слова. Майк въехал в огромные ворота на территорию особняка. Я никогда не была в таких домах... Он был похож на дворец! Май-

кл подъехал ко входу в дом.

Я глубоко охренела, когда Майкл помог мне выбраться из машины. На улице уже была глубокая ночь. Он достал дорогой телефон и кому-то позвонил. Через минуту из дома вышла женщина (похоже, экономка). Майкл что-то сказал ей. Она, кивнув, поспешила ко мне и взяв под руку, повела в дом. Всё это время она что-то говорила на ирландском или английском, а я уже не пыталась понять, что именно...

Женщина проводила меня в просторную комнату. Я попыталась сесть на кровать, а она и скрылась за какой-то дверью. Я услышала шум воды... И резь внизу живота снова усилилась... Я сползла с кровати и побежала к унитазу за этой же дверью... Я уже никого не стеснялась, а от боли стала плакать и стонать, когда добралась до унитаза.

Женщина жестом показала мне ванну, из которой шёл горячий пар. Я замотала головой, отказываясь, и заплакала ещё сильнее. Она обняла меня за голову, пытаясь утешить. Когда мне наконец-то удалось немного прийти в себя, я побрела обратно в комнату. Там меня ждали мужчина средних лет и Майкл. Мысленно я пожелала ему самый горячий котёл в аду.

— Это врач, он осмотрит тебя.

Мужчина говорил на английском, а Майкл переводил мне. «Какое, на хер общение с носителем языка? Он русским владеет лучше, чем мой папа, осталось научиться матом ругаться».

Доктор велел мне лечь и задрать платье до груди для осмотра. Руки врача в перчатках ощупали низ живота. Он спросил про симптомы. Голова уже совсем не соображала.

Врач достал из своего чемоданчика какие-то инструменты и поставил мне капельницу. Резь стала тише... Доктор простоял со мной до конца капельницы, то и дело что-то поправлял и пытался говорить со мной, но я ни хрена не понимала. Майкл ушёл, после того как доктор ему что-то сказал. Видимо, назначил лечение.

Когда закончилась капельница, врач написал на листке из блокнота рецепт и передал мне. Я поблагодарила его, как могла по-русски и по-английски. Врач улыбнулся и вышел из комнаты. Я осталась одна... Что за чудесная женщина мне помогала, я не знаю. По возрасту это, скорее всего, мать этого олуха.

Боль немного утихла и я смогла наконец-то встать. Я ещё раз пошла в душ... Когда вышла, как обухом по голове стукнуло осознание: мне нечего надеть! Даже нет чистого нижнего белья! «Здравствуй пиздец! Давно тебя не было».

Я открыла шкафы, которые были в комнате, но смогла найти только банный халат и тапочки. Это лучше, чем ходить голой. Спустилась вниз за своими вещами и встретила там женщину, которая мне помогала, когда мы приехали. Она несла мои вещи. Я поблагодарила её. Взяла из добрых рук мой чемодан, сумку и пошла обратно комнату.

Перед сном постирала свою одежду: здесь стояла стираль-

ная машина с функцией сушки прямо там же... Когда была уже в своей одежде, почувствовала себя лучше и легла спать... Мне удалось провалиться глубокий сон без сновидений. Спать мне оставалось немного времени... Если этот мудака думает, что я наркоманка — то хрен ему. Пусть потом извиняется, ублюдок.

Майкл

Джулия наконец-то выходит замуж. Нашла, как она говорит, любовь всей своей жизни. Когда она пыталась мне рассказать, то путалась в словах, называя Тома, то «Богом», то «самым лучшим мужчиной в её жизни», то «сладеньким медвежонком». Меня чуть не стошнило. Бесят эти розовые сопли.

Я вообще сомневаюсь, что так называемая любовь существует. Моя формула намного проще. Потрахались — кончили — разошлись. Удобно, и мозги никто не выносит. У меня есть несколько постоянных любовниц: если одна занята, то всегда свободна другая.

Джулия попросила меня пару недель понянчиться с взбалмошной дочерью своего жениха. «Майкл, пожалуйста, помоги! Она точно что-то сотворит», — Джулия обливалась слезами, когда я хотел послать её к чёрту. У меня своих дел полно.

От того, что сотворяет эта маленькая дрянь, волосы встают дыбом. Её мать умерла, когда она была подростком. Некому было надрать девке задницу. Видимо, в этот момент от безнаказанности у неё снесло крышу.

Как рассказывала сестра, Кэролайн много крови выпила у Тома. Ещё при жизни матери, она связалась с мужиками намного старше себя. Стала трахаться с каждым встречным

и пробилась в какую-то рок-группу. Самое смешное, назвались «Подземелье». Даже играют по подвалам. Детский сад! Не удивлюсь, что она сама свела свою мать в могилу. Бедная женщина, просто была не в силах пережить все выходки единственной дочери.

Под влиянием дурной компании, видимо, мозгов она лишилась окончательно. Стала бухать, как взрослый мужик, и употреблять вещества. Отец старался запихнуть её в больницу, но эта мелкая сучка стала угрожать покончить с жизнью. Тогда Том принял единственное правильное решение — увезти её от дурной компании.

Увидев её первый раз, я понял, насколько права Джулия и страхи её не беспочвенны. Пришлось согласиться за ней присматривать. Пусть этот вечер будет только для моей единственной сестры.

Налицо Кэролайн очень даже ничего, но эти её глаза, подведённые чёрной татуировкой... Все руки забиты непонятно какой ерундой. Фигурка интересная, притягивает, чуть пухловатая и высокая. У меня ещё таких не было. Обычно мои женщины маленькие, хрупкие и очень женственные. А эта рыжая bestia...

Первый казус случился, когда я увидел бандану с черепами. Она что, умственно отсталая? Видимо запрещёнка полностью стёрла все извилины в её голове. Идти в православный храм в этом. Спасибо Джулии за её забывчивость.

Когда приехали в дом, где должен был проходить банкет,

девка утащила на кухню бутылку вина. Видимо, не терпелось прибухнуть. Я тогда не успел это пресечь, но Кэролайн вернулась за стол адекватная. Может ничего и не успела сделать. Её отец обмолвился, что она не употребляет алкоголь, но я сам потом видел, как она пила из этой же самой бутылки. Всё-таки Том её очень любит и старается не замечать ничего.

Я пообщался с гостями и постарался узнать про неё больше. Единственное, что знают родственники, это то, что она не может даже толком говорить по-английски. Дура, даже в школах России учат английский.

Когда взгляд метнулся в поисках этой конченной, я увидел, как она уже с кем-то зажималась, несмотря на то, что парень явно был в отношениях. Рядом с ним стояла красивая девушка. Сейчас точно будет скандал. На секунду в груди почувствовался неприятный укол, но я быстро взял себя в руки. Пришлось применить актёрские навыки, которым меня научила Джулия. Бедная девочка стоит так, как будто ей молотком по голове прилетело.

План был прост: прижать эту дуру к себе, открыть обзор всем гостям и переждать волну. Чисто механическое действие. Но когда её рыжие волосы мазнули по моей щеке, а тело под тонкой тканью оказалось неожиданно мягким и горячим, внутри что-то щелкнуло. На секунду. Я тут же списал это на адреналин.

Она взбесилась и чуть не до крови прокусила мне губу. Стерва, даже целоваться по-человечески не умеет. Получи-

лось спасти свадьбу Джулии от скандала и избежать сцены ревности с выдранными волосами. Я заметил, что та девочка заметно расслабилась, когда я увёл бестию.

Ближе к концу вечера, когда Кэролайн закончила шуметь на сцене, я обнаружил её в комнате. Она лежала на кровати и явно была под кайфом. Ещё в машине я нашёл в её сумке косметичку, заполненную всевозможными таблетками, но тогда не сильно обратил на это внимание. Кого-то из персонала я попросил отнести сумку к ней в комнату. На месте отца я бы уже давно отправил её в лечиться.

Когда мы ехали в мой дом, она сказала, что часто болеет в турах и возит с собой лекарства. Я забрал почти все таблетки, оставив только ибупрофен. Завтра передам их в лабораторию, чтобы понять, наркота ли это. Если подтвердится, то ноги её не будет в моём доме. Запру в клетке. Собаке — собачья смерть. Пусть сгорит от ломки.

Когда девка вышла из холодного душа, её зрачки были в норме. Так быстро наркотики не отпустили бы. Может, и на самом деле она принимала обычный обезбол. Я не стал уходить из комнаты, чтобы она ничего себе не сделала, кто знает, на что она способна в наркотическом опьянении.

Следующей своей выходкой она переплонула себя. Скинула полотенце, даже не стесняясь. Надо отдать должное, там есть на что посмотреть, но трахать наркоманок — это всё равно, что спать с биологической угрозой. Противнее только мысль о том, сколько мужиков уже успело оценить этот

«товар» лицом к лицу. Даже после поцелуя хотелось сделать дезинфекцию рта.

Она, конечно, тупая, как пробка. Думала, что сможет обмануть меня и свалить, когда Том и Джулия уехали. Я отпустил такси, перед этим заплатив водителю. Сука вышла в том же платье, в котором была сегодня, невольно вспомнилось, что под ним прячется. Она опять стала что-то пиццать.

Я, не обращая внимания, закинул её на плечо и посадил в машину. Я порядком устал. Этот чёртов день выливается в тяжёлую ночь. Если у неё ещё начнётся ломка... В машине она ненадолго успокоилась, достала свой блокнот и стала что-то писать.

Когда она пожаловалась на боль, я выматерился. От неё одни проблемы. По мере того, как мы подъезжали к дому, я заметил, что состояние девки стало ухудшаться. Это уже не было похоже на наркотическое опьянение. Она вела себя адекватно, насколько это возможно. Речь построена правильно, на вопросы отвечала и зрачки были нормальные.

У входа в дом я передал её на попечение экономки (она была у меня за старшую над моим персоналом), а сам позвонил своему врачу и кратко описал ситуацию.

Док приехал быстро. Не зря получает свои деньги. Он подтвердил слова девки о простуде, которая закончилась воспалением мочевого пузыря. Если бы у неё поднялась температура, то пришлось бы вызывать скорую. Так как она гражданка двух стран, а в Ирландии у неё нет медицинской стра-

ховки, мне пришлось бы выложить кругленькую сумму. Да и отчитываться перед Томом, что я перепутал банальную мигрень с приходом.

Врач поставил ей капельницу и дал мне инструкцию, что надо купить. Я всё заказал, потом почувствовал, как начинает болеть голова. Ну к чёрту всё. Завтра свожу её на анализы. Если она чистая, то так и быть, начну относиться мягче. Если нет, то поедет лечиться до возвращения Тома. Потом я передам ненаглядную дочурку ему и умываю руки. Надеюсь, никогда в жизни её больше не увидеть. Надо позвонить любовнице.

Я провёл ночь у Лизи и приехал в дом в отличном настроении. Моя экономка сказала, что девка ещё спит. Агата несколько раз заходила к ней в комнату. Её удивило то, что Кэролайн сама выстирала и разобрала свои вещи.

Признаться, меня это удивило тоже. Она хоть и жила одна, я был уверен, что она ни черта не умела делать. Джулия много раз была свидетелем того, как Том вызывал её на дом клининг, чтобы хоть немного привести квартиру, которая ей осталась от матери, в порядок.

Агата рассказала, как девчонка вчера плакала от боли и у неё сжималось сердце от жалости. Где-то в глубинах моего подсознания, мне тоже было её жаль. Врач сравнил эту боль с раскалённым утюгом на коже. Курьер сегодня утром привёз все назначенные лекарства.

Я пошёл в столовую и налил себе кофе, заодно велел раз-

будить девку и привести её на завтрак. Пока пил кофе, мне на электронную почту упало письмо с результатами предварительной экспертизы таблеток. Я отдал их в лабораторию утром, когда возвращался от Лизи. Внимательно изучив заключение, я убрал телефон. В столовую спустилась рыжая бестия.

Кэролайн

Меня разбудила, как я поняла, экономка. Бля, как в сопливых сериалах, которые любила моя мама. Женщину зовут Агата. Пришлось снова воспользоваться переводчиком на телефоне. Она объяснила мне, что мудака ждёт внизу в столовой.

Я чувствовала себя лучше, но резь внизу живота ещё давала о себе знать. Я не выпалась совершенно, всю ночь снились липкие поглаживания моих ног, когда мудака закинул меня на плечо, как грёбаный мешок с картошкой. Чёрт с ним. В душе я смыла с себя остатки сна.

Вот бы вернуться в родную Россию, где всё привычно. В чате парни начали накидывать рифы на текст. Позже послушаю. Сегодня надо постараться найти квартиру.

Я оделась в джинсы и любимую футболку со Slipknot, подкрасила реснички и спустилась вниз. Мудак допивал свой кофе, напротив стояло блюдо с яичницей и горячий чай.

— Доброе утро, — сказала я, мысленно желая ему подавиться.

— Ешь и поедем.

Вот утырок, грёбаное хамло. Мог бы ради приличия со мной просто поздороваться. Аппетит сразу пропал. Я выпила чай и встала из-за стола. Майкл посмотрел на меня, подняв брови, но ничего не сказал. Только бросил холодное:

— Жду в машине.

Я забрала из комнаты свой рюкзачок и спустилась к машине. На улице снова пекло. Шея под волосами взмокла, как будто на мне был завязан толстый, поганный шарф. Сев в машину, я достала из рюкзака ручку, скрутила волосы в пучок и заколола ею. Он опять смотрел на меня, как на пришибленную.

— Блядь! Мне жарко, и я просто заколола волосы. Ты в каждом моём движении ищешь подвох. Что за хрень происходит? — я стала срываться на крик.

Я очень редко выхожу из себя. Обычно позитивные эмоции в себе держать не получается, а с негативными всегда справляюсь. Могу расплакаться, когда узнаю, что кто-то из моих «братьев» снова стал папой. В обычной жизни я часто улыбаюсь и смеюсь. Подруги постоянно говорят, что я — это ласковый маленький котёнок, который прячется за бронёй панка. В чём-то они правы.

— Ты ругаешься, как грузчик на рынке, — его голос стал нейтральным. Хорошо, хоть перестал презрение выражать.

— О-о, это ты ещё «План Ломоносова» не слушал или «Сектор Газа».

Он снова посмотрел на меня, как на надоедливую муху, и завёл машину. Дорогу до клиники мы проехали молча. Я достала телефон, ответила на сообщения в соцсетях и увидела, что ко мне просится в друзья Рой. В сообщении он приглашал меня встретиться в кафе. Я не стала отвечать. Не хо-

чу стать причиной его ссоры с женой. Друзья — друзьями, но встречи в кафе наедине с женатыми мужчинами — это не про меня. Даже на репетициях обычно кто-нибудь из жён присутствует. Не из-за ревности, а потому что хочет помочь.

Мы приехали в клинику, зашли в какой-то кабинет. Там у меня взяли кровь. Пусть подавится, грёбанный вампир (это я про Майкла). Потом мне дали баночку и показали, где уборная. Всё сделав, я вышла в коридор, в котором меня ждал Майкл. Он велел мне посидеть и подождать его здесь, а сам зашёл в кабинет.

Я достала ручку из волос и взяла в руки свой блокнот. Кажется, у меня рождается новая песня про вампира, который уснул в девятнадцатом веке, а проснулся в двадцать первом.

Майкл

— Ну что скажете, доктор? — спросил я, представляя, как отвожу визжащую дуру в рехаб.

— Должен сказать, что девушка не имеет никакого отношения к запрещённым веществам. Она полностью чиста, — сказал спокойно молодой врач-нарколог.

— Выразусь по-другому: сколько времени она не употребляет?

— Видите ли, наркотики наносят непоправимый вред психике человека. Сразу видно, даже при общении, взаимодействовал человек с веществами, изменяющими сознание или нет. Могу со стопроцентной гарантией утверждать, что девушка не только ничего не употребляет, но и не пьёт алкоголь. В крови есть обезболивающие и противовоспалительные вещества. Я думаю, что в её организме какое-то серьёзное воспаление. Таблетки, которые вы привезли на анализ, есть в любой домашней аптечке. Только это российское производство. Вот и всё отличие.

Я кивнул, пожал руку врачу и вышел из кабинета. Бестия снова сидела со своим блокнотом и что-то упорно писала в нём. Надо придумать, как задержать её у себя. Она не знает языка, чего доброго, придётся нести ответственность перед Томом. А Джулии волноваться нельзя.

Я смотрел на неё, вспоминая наш разговор. Я не давал

обещания найти ей квартиру. Значит, могу спокойно забрать её в дом... Я отмёл в сторону мысль о том, чтобы запирать её. Всё-таки не наркоманка.

Почему Джулия сказала мне неправду? Наверное, бабские разборки. Не смогли поделить внимание Тома. Бестия заревновала отца и стала подстраивать Джулии гадости. Вот та и выдала речь про вещества, чтобы я пристальнее наблюдал за бестией. Чего не сделаешь ради единственной сестры! Надо что-то придумать, чтобы девка сидела тихо и не брыкалась.

Я позвал девчонку. Первый раз за всё время я решил обратиться к ней по имени:

— Кэролайн, идём в машину.

Она вздрогнула и подняла на меня глаза. Красивые синие глаза были очерчены чёрной татуировкой, как в Древнем Египте. Пока я залипал на её глаза, она встала и направилась к выходу. Я пошёл вслед за ней, по пути невольно вспоминая, что прячется под этой футболкой и джинсами. В штанах стало тесно.

Когда мы сели в машину, девка посмотрела на меня и спросила:

— Ты не хочешь извиниться?

Я немного призадумался. Я никогда не извинялся. Всегда поступал правильно. Здесь, признаюсь, погорячился.

— Я немного погорячился, думал, что ты принимаешь вещества.

— Есть такое выражение у нас в России: «Индюк тоже ду-

мал, да в суп попал». Я не могу понять одного: что плохого я тебе сделала? Ты смотришь на меня, как на говно, разговариваешь со мной через зубы. Зачем тогда согласился помочь мне, пока отец в отъезде? Снял бы квартиру, чтобы я не мозолила тебе глаза. Не обязательно со мной общаться. Я найду себе занятие.

Тут мне на ум пришёл образ, как она обнимает того парня. Как его? Кажется, Рой. Сразу стало понятно, что за занятие она имеет в виду. Ну уж нет, змея, в чужую семью лезть я не позволю.

Тогда на свадьбе мне стало жаль ту девочку, которая наблюдала, как её муж открыто флиртует с другой. Я решил тогда вмешаться. Пришлось поцеловать бестию на глазах у всех, чтобы не разыгрался скандал со сценами ревности и выдернутыми волосами. Хорошо, что у бестии осталось хоть немного такта и она не устроила истерику. Я уже был готов схватить её в охапку и утащить наверх, чтобы не портила праздник сестре.

Раздался звонок её телефона. Входящее сообщение оповестило о себе громким «Хой!». Надо спросить, что это значит. Краем глаза я увидел, от кого пришло сообщение, и вырвал у девки телефон. Она попыталась забрать его обратно, но я обхватил одной рукой её за плечи и своим весом навалился на неё. В моей машине было много места, и проделать эти манипуляции не составило труда.

Девка подо мной брыкалась, как дикая кобыла. Несмотря

на свою комплекцию, она не была очень сильной. В нос ударил её запах. Она пахла ванилью и мятой.

Я открыл сообщение и прочитал его. Бестия по-прежнему вырывалась. Я перевёл на неё взгляд и снова завис на её северных глазах, затем прорычал:

— Нехорошо лезть в семью к женатым мужчинам.

Её зрачки расширились. Я понял, что ей стало страшно. Значит, есть что скрывать. Она затихла, а я набрал ответ и отправил его. Потом я пересел на своё сиденье и протянул ей телефон.

Признаться честно, не хотелось с неё слезать. Если бы не знал, что через неё прошла целая футбольная команда, я бы поиграл с ней, а играть определённо есть с чем.

Она взяла телефон и прочитала переписку. Я пригласил Роя с его женой в гости от лица Кэролайн.

— Для чего ты это сделал? — спросила она.

Я не собирался объяснять, но всё же решил рассказать. Сам не понял зачем.

— Вы когда-то давно были в отношениях, и он женился, не закончив их с тобой. Эта девочка — его жена. Она не виновата, что ни у тебя, ни у него нет совести. Она наблюдала, как вы флиртовали у неё на глазах, и была не в силах что-то сказать.

— А ты решил защитить её от злой и опасной Кэри, у которой нет ничего святого.

Оказывается, она умеет огрызаться. Хорошо. Буду учить

её правилам поведения с нормальными мужчинами, а не пьяными неформалами.

— Не совсем. Совести нет ни у тебя, ни у этого молодого идиота.

Она покраснела, а я продолжил.

— Они придут сегодня вечером. Нам нужно, как бы мне ни было противно, создать видимость отношений.

— Ох ты ж бедненький! Смотри не наблюдай, когда будешь разговаривать со мной, — она начала плескаться ядом.

Я решил это проигнорировать и продолжил:

— Если что-то пойдёт не так или ты выкинешь какую-нибудь выходку, я закрою тебя в психушку. У меня есть на это средства и возможности. И ты никогда не вернёшься в Россию.

В последнем предложении я не лукавил. Её отец и правда её не отпустит.

Я увидел, как она побледнела. Её кожа и так была белая, а сейчас стала почти прозрачной. Вот её самый большой страх. Теперь я заставлю её слушаться. Удовлетворённый, я достал свой телефон, написал сообщение любовнице и завёл машину. Краем глаза я видел, как бестия утирает платочком слёзы. В этой сумке, наверное, поместилась вся её жизнь, когда она ехала сюда.

Я повёл её на обед в ресторан. Подошедшему официанту заказал еды себе и ей. Она снова ни к чему не прикоснулась, кроме чая. Неудивительно, что она ходит, как моль.

После ресторана я завёз её в дом и поехал немного поработать, чувствуя, что день будет очень продуктивным. После работы меня ждёт горячая, красивая, хрупкая блондиночка. Всё как я люблю.

Кэролайн

Он меня очень напугал. Слезливый поток не получалось остановить хрен знает сколько времени. Когда я пыталась разобраться, в чём проблема, этот мудака просто переводил разговор на другую тему. Ещё и стал манипулировать моим домом. Вернуться домой — теперь моя главная задача.

Очень жалею, что поехала на свадьбу. Справились бы они без меня. Больше никогда не буду выезжать за пределы России. Только бы вернуться. Я не стала прерывать отдых отца и стучать на Майкла, но голосовые друзьям записала. Они посоветовали обратиться в посольство, как только будет возможность. Я так и сделаю.

Ещё я перевела все свои деньги с банковских карт на российскую платёжную систему. Кто знает, к чему есть доступ у этого мудака? У меня осталось немного наличных.

Ещё я поняла, что ублюдок меня так просто не отпустит. Скорее всего, что-то задумал. Только на хрена ему всё это? Значит, медлить нельзя. Ребята писали, что обстановка накаляется, и от этих сообщений холодок пробежал по спине. Нужно было срочно лететь домой, пока билеты не взлетели в цене до небес.

Постепенно мои мысли вернулись к тому, как он ко мне относится. Сначала думал, что я наркоманка, теперь — что я шлюха. Он видел, как я обменялась несколькими фразами

с другом, и придумал такую дичь, которая со мной не сочелась никак.

У Роя, вполне возможно, что остались чувства, но у меня их нет. Я отказала ему во встрече, даже в соцсетях в друзья добавлять его не стала. Уже несколько лет моя соцсеть — это часть моей работы, где мы записываем и выкладываем контент с концертов и репетиций, чтобы быть ближе к публике.

Я сделала несколько глубоких вдохов и представила перед собой маму. Постаралась вспомнить её молчаливую поддержку, и на душе стало легче. Сегодня предстоит ещё один тяжёлый вечер. Всё-таки надо подготовиться.

Я никогда не любила недосказанности. В этом случае मु-дак прав. Наши отношения не закончились так, как это должно было быть. Он просто исчез. Я надеялась несколько лет. Ждала его приезда. Когда я увидела его на свадьбе, то поняла, что тех чувств больше нет.

Влюблённость не выросла в любовь. Просто гормональный бум. Как обычно бывает: вначале отношений вспышка, и воздух искрит между людьми, через полгода всё успокаивается, с людей спадают розовые очки, и они видят недостатки друг друга. После этого начинается притирка между ними. Только после этого вырастает любовь, о которой пишут в книгах.

Я наблюдала, как мои парни строили отношения, как переживали, когда девчонки закатывали скандалы и истерики. Несмотря ни на что, все создали семьи и живут счастливо.

Это и есть любовь. Девчонки поддерживали их взлёты и падения. Они смирились с долгим отсутствием дома. Бывало такое, что мы уезжали в тур на полгода.

Я видела, как они все переживали ревность с обеих сторон, но оставались вместе. Решали проблемы не битъём посуды, а разговором. Это и есть настоящая любовь. Не было любви между мной и Роем. Была детская влюблённость — и всё. Что я испытываю к нему сейчас? Я бы пообщалась с ним по-дружески, без распускания рук и флирта. На этом всё.

Размышляя обо всём, я покосилась на часы и поняла, что времени остаётся не так много. Дома я бы кинулась готовить закуски или испекла пироги и заварила бы чай. Но здесь полный дом сотрудников, которые занимаются всем этим. А что, если?..

Я не дала себе шанса передумать и кинулась на кухню. Нашла там повара, который ничего не понял из того, что я пыталась сказать на английском. В итоге, я снова воспользовалась переводчиком на телефоне.

Повар, косо поглядывая на меня, вышел из кухни, предоставляя мне полную свободу действий. Не зря же я получила эти чёртовы корочки. На кухне был местный аналог нашей Алисы, голосового помощника. Я попросила говорить по-русски, и местная Алиса перенастроилась. Сделав в настройках сопряжение со своим телефоном, — как потом оказалось, это была большая ошибка — я включила свой плейлист и стала творить.

Майкл

После встречи с любовницей настроение заметно улучшилось. В голове крутились дерзкие фантазии о той рыжей бес-тии — засунуть весь её мат ей в глотку. Напряжение поне-многу отпускало, и я постарался, чтобы эти несколько часов не прошли для моей женщины впустую. В итоге её тихий вы-дох стал лучшей разрядкой для меня самого. К сожалению, только в мыслях. Моя девочка хорошо постаралась, остуди-ла мой гнев.

Когда зашёл в дом, настроение стало стремительно пор-титься. Первое, что я услышал, — это дикий рёв, который раздавался с кухни. Все работники кухни, в том числе и по-вар, столпились у дверей, подсматривая в маленькую щель. Заметив меня, они жестом показали мне «тихо» и пропусти-ли вперёд.

По кухне, словно ураган, носилась Кэролайн. На плите всё бурлило и кипело, но разносился очень приятный запах, от которого желудок скручивало в спазме. Я даже не мог опре-делить, что именно готовилось. Были заняты все четыре ин-дукционные конфорки, духовка тоже работала.

По кухне раздавался шум, который бестия называет му-зыкой. Мужчина что-то громко орал, я так и не мог понять, что именно. Девка носилась посреди всего этого со счастли-вым видом. Волосы были забраны в пучок, на щеках я успел

заметить румянец. Она ещё успевала пританцовывать и что-то мычать в такт.

Я жестом отослал работников и тихо прошёл на кухню. Девка меня не видела, продолжая что-то резать и крутить аппетитной задницей. Называя её жирной, я очень преувеличил. Она была чуть пухлой, и в ней не было той худобы, присущей женщинам, с которыми я встречался. В ней не было такой же грациозности. Кэролайн была дикой. В её движениях не было плавности и неторопливости. Все её движения были быстрыми, резкими, и было видно, что отточенными.

Убрав нарезку в миску, она полила заправкой, затем надела латексные перчатки и всё перемешала руками. После сразу вымыла за собой посуду. Духовка издала сигнал, и Кэролайн резкими движениями достала оттуда что-то аппетитно пахнущее. Потом, всё так же крутя задницей, выключила поочерёдно все конфорки.

По очереди она скинула с кастрюль все крышки. Уверен, что весь дом наполнился ароматами русской кухни. Я её никогда не любил и не понимал. Я бывал в России по делам и всегда предпочитал рестораны европейской кухни.

Всё попробовав и кивнув себе, Кэролайн вымыла ложки и развернулась. Она вскрикнула, когда увидела меня. Ложки выпали из её рук. Румянец сошёл со щёк, и в синих глазах снова появился испуг. Я поднял руки в примирительном жесте. В следующее мгновение она покраснела, поняв, что крутила задницей перед моим носом.

— Давно... ты здесь? — голос задрожал.

— Достаточно, чтобы посмотреть твоё выступление. Поаккуратнее крути жопой, в доме работают мужчины, — я сам не понял, для чего это сказал.

Мне-то какая разница, перед кем она вертится? Пусть хоть со старой гориллой... Единственной, кого бы я не хотел, чтобы обидели, была жена этого безмозглого Роя.

— Мог бы не подкрадываться, а обозначить своё присутствие, раз тебе так было противно смотреть на меня. Но раз уж ты пришёл, не ругай, пожалуйста, повара. Это я попросила его меня оставить. У него на ужин уже всё было сделано, и я решила приготовить своё. Я очень соскучилась по дому.

Я увидел, что девка волнуется. Она подняла с пола упавшие ложки, снова их перемыла и начала перебирать. Ей было неловко от того, что я увидел. Другая бы непременно продолжила то, что начала, и это бы закончилось сексом на кухонном столе. Затем попросила бы поблажек.

Вместо этого бестия стала заступаться за повара, у которого и так смена закончилась. Шлюшьи повадки другие. К сожалению, я с этим сталкиваюсь каждый день. Или она притворяется хорошей девочкой, чтобы поскорее уехать в Россию? Глупая, ещё не понимает, что никогда туда не вернётся.

Я кивнул в сторону плиты:

— Ты одна всё это съешь?

— Я немного размахнулась. Сначала хотела сварить только солянку (это суп такой), потом понеслось. Я запекла ку-

рицу в сметанном соусе, потом захотела творожную запеканку, ну и немного не рассчитала. Если хочешь, угощайся, — она изменилась в лице. Видимо, вспомнила инцидент в машине. Её глаза наполнились слезами, и пара капель всё же пролилась.

— Если не понравится... всё выброси... кроме супа. Я сама его съем, — она отвернулась, взяла тарелку, налила себе суп и ушла.

Я снова залип на её попке. В брюках снова стало тесно. Я же только что был у Лизи! Я глубоко вздохнул и решил попробовать, что у неё получилось. Этот странный суп с солёными огурцами оказался вкуснее всего, что я ел в мишленовских ресторанах. В итоге, попробовав всё, я понял, что Кэролайн чертовски хорошо готовит.

Надо признаться себе, что я стал ощущать по отношению к бестии новый тип голода. И непонятно, сколько я смогу сдерживаться, да я и не хочу этого. Единственное, что меня останавливает, — это просьба её отца и Джулии присмотреть за ней. Но если она сама ко мне полезет... Я потёр руки в предвкушении. Этот дикий рёв, который издавала колонка, сменился какой-то плавной мелодией. Она мне даже понравилась. Надо узнать у бестии, что за песня.

Кэролайн

Я не стала наряжаться для так называемых гостей. Осталась в джинсах и футболке. В комнате я немного подкрасила глаза, так как растеклась тушь, и расчесала волосы. Рой с женой должны были приехать в шесть вечера. В семнадцать сорок без стука в мою комнату вошёл Майкл. Я в это время читала в телефоне одну из книг, которая была обязательна для изучения в педи. Я не стала поднимать на него глаз. Обойдётся сучёнок.

— Ты в этом выйдешь? — Вопрос был с укоризной.

— Да, — спокойно ответила я.

— Они пришли.

Я сползла с кровати и подошла к зеркалу, проверить, всё ли нормально с лицом. Потом закинула в глотку таблетки, которые назначил врач, и пошла к двери. У дверей Майкл поймал меня за локоть и впился в губы. Я постаралась отстраниться, но ударилась головой о косяк.

— Какого хрена...

Я чувствовала, что кровь снова приливает к ушам.

— Небольшая репетиция, чтобы выглядеть убедительнее — он говорил спокойно, будто ничего не происходило.

Мы спустились, эта тварь крепко сжимал мои мозолистые пальцы. Рой с женой как раз входили в дом. Мужчины пожали друг другу руки, потом Рой по-дружески обнял меня. Я

подошла к его жене. Её имя я узнала, когда мы познакомились на свадьбе у отца. Её зовут Лесли.

Рой рассказал, что они познакомились в банке, куда он пошёл работать после окончания университета. Лесли уже там стажировалась. У них быстро всё закрутилось, и через месяц после знакомства они поженились. Майкл приобнял меня за плечи и пригласил всех пройти на террасу. На том на столе вместо закусок, приготовленных поваром, стояли мои блюда. Я в шоке посмотрела на Майкла, он просто пожал плечами и улыбнулся одними губами. Его глаза не улыбались.

— Кэролайн всё готовила сама. Ей очень хотелось угостить вас русской кухней. Правда, милая?

— Конечно. А ещё я очень соскучилась по дому, хотя приехала всего два дня назад, — я старалась выплеснуть как можно больше яда, который во мне скопился.

Лесли что-то сказала, а Рой мне перевёл:

— Ей не терпится попробовать.

— Тогда прошу всех за стол. — Майкл продолжал улыбаться. Это больше было похоже на оскал волка, а не на улыбку.

Вечер протекал скучно. Они в основном общались на английском, и я очень плохо понимала, а потом даже не старалась что-либо понять. Лесли оказалась не скромницей, как я раньше думала, а очень общительной девушкой. Она долго разговаривала с Майклом, как я поняла, о картинах. Майкл сидел, приобнимая меня, иногда ненавязчиво целуя в висок.

Я стала откровенно зевать. Хотела уже послать всех на хрен и уйти спать, как Лесли обратилась ко мне, а Рой перевёл:

— Она спрашивает, как так получилось, что такая миленькая девушка занимается столь тяжёлой музыкой.

— Само собой так вышло. Родители слушали рок, и я тоже полюбила, — обычно эти вопросы мне задавали ректор и декан в универе.

— Ты часто даёшь концерты?

Я закатила глаза. На хрен спрашивать, если это никому не интересно.

— Раз в год, иногда раз в полгода мы уезжаем в тур по России.

— Значит, ты много где была?

Я чувствовала себя так, будто даю интервью журналистам.

— Получается, что так. Если хотите, у меня есть фотографии из городов, где мы играли.

Лесли захлопала в ладошки. Майкл тепло ей улыбнулся и помог мне подключиться к плазменному телеку, который висел на террасе. Я показала им Питер, Москву, Казань, Вологду, Ижевск, Тулу и многие другие города. Свой родной Ярославль я решила показать в новогодних фотографиях. Мой любимый период.

Я до сих пор дома наряжаю ёлку. Только отмечаю новый год всегда одна. Парни отмечают с семьями. Мне стало горько внутри. Пришлось прикусить щёку, чтобы не разреветься. За эти дни я стала превращаться из панка в истеричку.

— Ты мне рассказывал, что Россия — это довольно мрачное и холодное место, но такая красота, особенно Санкт-Петербург. — Лесли восторженно смотрела на экран, разговаривая с Роем. — И ты везде выступала? — она перевела взгляд на меня.

— Ну, не я, а мы. «АндеграундZ» — это проект шести человек. Города, которые я вам показала, да. Мы в них давали концерты.

— И много людей слушают такую специфическую музыку?

— Не всегда полный зал, но людям нравится. У меня есть записи с концертов.

— Давай посмотрим, — это уже обратился Рой. Он был единственным, кому самом деле было интересно.

А Майкл сидел со скучающим видом, как и я несколько минут назад.

— А я, пожалуй, покажу Лесли коллекцию картин. — Он предложил ей руку и помог подняться. Девушка посмотрела на него с восхищением, как ребёнок, ожидающий новогоднего подарка, и они ушли, оставив нас с Роем наедине.

Я выдохнула и стала искать папку с концертными записями. Я не стала показывать рабочие моменты, а выбрала уже смонтированное видео. С Роем мы всегда были на одной волне в этом плане. Он оценивал стиль выступления, как была настроена публика. Больше всего нас пробрало, когда зал взорвался: публика размахивала огромными флагами с на-

шей символикой. Даже от видео бежали мурашки по коже.

— Что ты чувствуешь, когда вас так встречает публика?

Я задумалась, потом мечтательно улыбнулась:

— Знаешь, это не выразить словами. Есть пирамида базовых человеческих потребностей. У людей есть такая потребность, как признание. Когда нас так встречают, я понимаю, что именно моя потребность в признании удовлетворена. Там, на сцене, люди видят меня настоящую. Не подстраивающуюся под стереотипы, какой должна быть девушка. В юности я боялась пьяных толп и очень боялась взрослеющих парней. Сейчас уже понимаю, что именно там я в безопасности.

— Ты никогда не рассказывала, как попала в группу. — задумчиво произнёс Рой.

Я рассмеялась своим воспоминаниям:

— Я херакнулась на льду. Это было в марте. Лёд был, как зеркало. Я тогда сильно подвернула ногу и разбила гитару. Эта гитара отремонтирована и висит у меня дома. На ней уже не сыграешь. Значит, я сижу на льду, размазываю сопли. Ко мне подошёл Лёша и помог подняться. До гаража с реп-базой было недалеко, и мы доковыляли туда. Кроме гитары я разбила и телефон. Он дал мне позвонить родителям, потом мы разговорились. Я сказала, что умею неплохо играть, и он попросил меня что-нибудь сбацать. Я сыграла на его гитаре Цоя и Кобейна. Вот он и предложил мне стать участником их группы. Мы обменялись телефонами, и с тех пор

мы неразлучны. Оказалось, что они все живут поблизости, и родители спокойно пустили в нашу жизнь новое увлечение. Только был один момент: чтобы группа не мешала учёбе. Я выполнила уговор. И теперь мы довольно известны.

— Если не секрет, сколько вы делаете за концерт?

— Это не приносит больших денег. Если честно, то хватает только на самое необходимое и обслуживание студии. Поэтому приходится подрабатывать и не забывать учиться.

«Хоть один нормальный человек». Судорожно вздохнула, вспоминая друзей. Сейчас бы на реп-базу и сделать парочку гитарных риффов.

— Ты молодец, — парень задумался. — А как Майкл к этому относится? — и тут я растерялась.

— Наиграется и бросит, — предположила я, и тут же почувствовала, как его сильные руки ложатся мне на плечи и большие пальцы начинают поглаживать шею.

— Ну серьёзно, Кэри уехала из России сюда к тебе. Ты поддерживаешь её увлечение? — это уже спрашивала Лесли, обращаясь к Майклу.

— Пока оно не выходит за рамки разумного.

Я закатила глаза. Кто бы говорил о разумности.

— У тебя всё в порядке, дорогая? — спросил Майкл, заметив моё состояние.

Я кивнула.

— Мы невольно подслушали ваш разговор, — сказала Лесли, когда повисла неловкая пауза. — Тебе на самом деле

не страшно в этой пьяной толпе? — обратилась она ко мне.

Я перемотала видео на начало и показала, где я стою, и рассказала такие банальные вещи, которые понимают даже дети. Сцены, на которых мы играем, довольно высокие. Рядом с ними, обычно, стоит охрана клуба. Когда спускаемся к публике, все ведут себя как простые люди, никто нас не хватает, не пытается разорвать и не ворует наши грязные трусы. Всегда наши концерты проходят адекватно. Люди повеселились и пошли по своим делам, а мы поехали дальше.

— Извини, я не хотела тебя задеть...

Я расхохоталась.

— Ты меня не задела. Мне говорили вещи и похуже.

В этот момент я посмотрела на Майкла. Его лицо не выражало ни одной эмоции, но я уверена, что ему моя выходка очень не понравилась.

— Вы с Майклом сейчас в отношениях, а что будет, когда ты уедешь обратно?

Ну она издевается: я снова чувствую себя как на допросе. Майкл сильнее сжал мои плечи, чувствует, гадёныш, как мне хочется послать всех на хуй.

— Время покажет, как будет... — ответил Майкл и добавил: — Может, ей и не придётся уезжать.

Мне порядком надоел этот фарс. Дальше я не слушала и не пыталась понять, о чём они говорят. Единственное, за что продолжал цепляться слух, это за то, как обсуждали меня и мою работу. Как бы то ни было, я всегда останусь при своём

мнении. Этот день уже почти закончился. Майкл наконец-то отпустил меня. Скорее всего, останутся синяки.

— Ты здорово играешь, мне очень нравится, и репертуар ваш тоже. — Рой поддержал меня. — У вас ведь есть уже студийные альбомы, давай послушаем.

Мы переключили разговор в другое русло и нашли на одной из российских платформ наши треки. Обсудили, сравнили звучание в записях и на концертах, обсудили российскую и зарубежную рок-сцены.

Как всё-таки классно, когда есть с кем поговорить. Мы совершенно забыли о существовании другой части нашей компании, которая была занята своими беседами. Они удалились, видимо, снова к Майклу в галерею. Рой включил мой плейлист, и из динамиков полились песни «Короля и Шута». Мы немного послушали музыку.

— Ты не должна выходить за него замуж, — он серьёзно посмотрел на меня.

— Я не собираюсь замуж. Мне надо сначала окончить университет и хотя бы год отработать в школе, — я зачем-то стала оправдываться перед ним. — И вообще, с чего ты взял, что я собираюсь замуж?

— Он же только что сказал, что намерен жениться. Всё-таки стоило слушать.

— Ну, не прямо сейчас!!!

— Держись с ним аккуратно. Ты его совсем не знаешь.

Я хотела ему уже ответить, что только второй день его

знаю и он уже успел так меня обидеть так, что как на мужчину я на него не посмотрю никогда. И похер на легенду, которую придумал этот долбоящер.

Майкл выглянул из-за угла и предложил нам посмотреть на картины. Как бы то ни было, Рой не тот человек, которого можно попросить о помощи. Он тут же начнёт махать кулаками. Всё-таки его жена не виновата в моих проблемах. Она неплохая.

Мы поднялись с мест и пошли за ним. Когда мы спустились в подвал его огромного дома, то оказались в большой картинной галерее. Последний раз такое я видела, когда была в Питере в Эрмитаже. Майкл немного рассказал о своей работе. Я не поняла подробностей, но единственное, что было ясно, — он не просто богатый человек, а очень богатый.

Я даже смогла узнать работы нашего Верещагина и Шишкина. Лесли остановилась у какой-то мазни. Мы с Роем переглянулись и прыснули от смеха, как школьники, когда узнали, что картина стоит огромных денег.

— Если я брошу банку краски в стену, то она тоже будет стоить таких денег?

— Рой, ты не понимаешь, это называется абстрактный экспрессионизм.

— Лесли, ты хорошо разбираешься в картинках, — Майкл ей нежно улыбнулся, он тоже был рад найти себе собеседника на одной волне с ним.

— Моя мама была искусствоведом, — Лесли перевела

взгляд на картины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.